В.Г. Соболев

Историография российского ориентализма: к вопросу о методологии исследования

Ананасы и тигры, султаны в кирасе,
Ожерелья из трупов, дворцы миража.
Это ты наплодила нам басен,
Кабинетная выдумка, дохлая ржа.
Нет в пустыне такого Востока…

Николай Тихонов, 1920-е гг.

В одном из своих писем к Л.М. Леонову Максим Горький предупреждает молодого литератора о том, что начало произведения должно быть хлестким и ярким, сразу приковывать внимание читателя, и приводит такой пример: «Один из первых рассказов Вс. Иванова начат так: “В Сибири пальмы не растут”. “Это я знаю”, — сказал А.А. Блок и не стал читать рассказ» [Горький, 1956. С. 401].

Прошло более 35 лет с момента первой публикации книги Эдварда Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока». Рискуя навлечь на себя блоковское «это я знаю», кратко обрисуем основные положения главной книги Э. Саида и в особенности — направления последовавшей затем критики. На наш взгляд, это необходимое условие для того, чтобы перейти к рассмотрению феномена российского ориентализма, о котором и в нашей стране и за рубежом пока сказано довольно мало. Цель настоящей статьи как раз и состоит в том, чтобы рассмотреть основные публикации на тему российского ориентализма и, возможно, предложить некоторые новые пути для дальнейшего осмысления этого весьма сложного социального явления, тесно связанного с российской идентичностью. На наш взгляд, уже сам историографический обзор будет востребован теми, кто занимается сходной проблематикой.

Нашумевшая книга Э. Саида не только не раз подвергалась критике, но и «спровоцировала» целый ряд исследований — прежде всего за рубежом, — в которых авторы критически анализируют представле-

ния европейцев о Востоке, роль профессионалов-востоковедов в формировании политики отдельных западных стран. Неменьшее внимание успели заслужить путевые заметки, художественные произведения, картины и кинофильмы, созданные «непрофессионалами», однако сыгравшие значительную роль в формировании образа «Востока» на «Западе», обусловившие становление и развитие дискурса (-ов) Востока. В России, в противоположность западным исследованиям на эту тему, книга Э. Саида стала широко известна не так давно[1], и, к сожалению, при ссылках на работы Э. Саида часто остаются незадействованными критические публикации о его концепции, появившиеся за рубежом в последующие годы.

Сам Э. Саид дает несколько определений «ориентализму»: это и научное направление, «востоковедение», и стиль мышления, «основанный на онтологическом и эпистемиологическом различении “Востока” и (почти всегда) “Запада”» [Саид, 2006. С. 8], и знак европейско-атлантической власти над Востоком [Саид, 2006. С. 14], интеллектуальной власти, и др. В общем смысле ориентализм Э. Саида — западный (европейский) дискурс, с помощью которого Запад, с одной стороны, осознает сам себя, с другой — способ управлять Востоком, постоянно занимая позицию превосходства над ним. При этом Саид подчеркивает, что ориентализм не следует рассматривать как некий заговор европейских стран против стран Востока, или же рассматривать данный дискурс как нагромождение лжи и мифов, которые «рассыплются в прах, как только прозвучит правда» [Саид, 2006. С. 14]. На протяжении столетий ориентализм в его, саидовском, понимании оставался гегемоническим дискурсом[2] для европейцев, складывался и развивался вполне естественно, но сохраняя идею верховенства «западного человека» в его отношениях с «Востоком». Кроме того, Э. Саид приводит массу примеров из истории колониальной политики XVIII–XX вв., когда «академический ориентализм» становился на службу государственным интересам и оправдывал те или иные действия колониальных властей. При этом сами «ориенталисты»-ученые превращались в особый цех, который якобы обладал особыми, уникальными знаниями о Востоке и без которого государственные власти не могли обойтись в своей восточной политике.

Одним из первых и весьма жестким оппонентом Э. Саида выступил известный американский востоковед Б. Льюис, критика которого начинается уже с определенных Саидом границ изучаемого «Востока», а также востоковедения. С одной стороны, Льюис говорит о некорректном «сужении Востока до Ближнего Востока, а Ближнего Востока — до

1 | Перевод на русский язык был опубликован в 2006 г. [Саид, 2006]. Сама же концепция Саида «взята на вооружение» в отечественных востоковедных кругах лишь к середине 1990-х гг. Хотя, как отмечает Б. Льюис, советские востоковеды столкнулись с необходимостью реагировать на «ориентализм» задолго до Саида — уже в 1973 г. на конгрессе в Париже. Там глава советской делегации Б. Гафуров пытался отстоять «устаревший», на взгляд его западных коллег, термин. [Lewis B., 1993, pp. 103–104]. Но широкой дискуссии по этому поводу в советском востоковедении не могло развернуться.

2 | Э. Саид использует «теорию гегемонии» А. Грамши.

его арабской части, исключая тюркологию, иранистику и семитологию» [Lewis B., 1993]. С другой же — опровергает утверждение о превосходстве французских и британских центров арабистики в сравнении с тем вкладом, который внесла Германия в развитие данной области. Следующими недостатками объявляются незнание некоторых исторических фактов, также их фальсификация в соответствии с выдвигаемыми тезисами, использование узкого и нерелевантного круга источников наравне с непоследовательностью в их отборе. Кроме того, наиболее важным является проведенная параллель между «Ориентализмом» и книгой Р. Шваба «Восточный Ренессанс», из которой, по мнению Льюиса, Саид заимствует структуру, меняя при этом регион исследования с Индии на Ближний Восток, что является абсолютно неприемлемым в силу исторических и структурных различий их взаимоотношений со странами Европы [Lewis B., 1993]. Таким образом, основное значение книги сводится Льюисом к образованию обширного поля для обсуждения и актуализации проблем востоковедения.

Среди других спорных моментов книги исследователи Г. Маркус и М. Фишер видят общий стиль работы, риторика которой действует обратно своей цели и не только обличает, но и «укрепляет западное доминирование», а также лишает объект исследования [«Восток». — *В. С.*] возможности обладания каким-либо мнением [Marcus, Fischer, 1986. P. 1].

Так называемый «имагинативный вариант понимания ориентализма» проявляется в формировании особого образа мышления, затрагивающего уже не только узкий круг востоковедов, но также и писателей, художников или политиков, воспроизводящих априорное различение Востока и Запада в своей деятельности [Саид, 2006. С. 9–10]. Именно этот вариант и представляет наибольший интерес, поскольку именно через него Саид открывает новые возможности в вопросе методологии изучения колониальной и постколониальной систем. Так, до появления книги в данной области уделялось недостаточное внимание теории дискурсов М. Фуко, а критика империализма в основном опиралась на положения марксизма о материалистическом восприятии истории [Ahmad, 1992]. Саиду же удалось представить ориентализм в качестве дискурса, создаваемого в политическом, социальном и культурном поле европейского знания. Такие авторы, как Эдмунд Бурке и Франк Холлидей лишают «ориентализм» этого «нововведения», утверждая, соответственно, что первым, кто связал востоковедение с ориентализмом в литературе и религии, хотя и без прямого обращения к Фуко, был Брайан Тернер [Burke, Prochaska, 2007], а работы французского историка Максима Родинсона представляют более ранний и конструктивный анализ присутствия образов Востока в европейских текстах [Hallidey, 1993]. В своей статье Э. Бурке и Д. Прохаски говорят о недостатке исторического подхода в построениях Саида, что стало результатом ограниченности на литературном и языковом анализе. Данный тезис выдви-

гает и Ф. Холлидей, подчеркивая, что попытки объяснить социальные явления посредством исключительно лингвистических теорий неизбежно приводят к упрощению социальных феноменов. Холлидей указывает на придание Востоку излишней исключительности, поскольку национализм или расизм в отношениях гегемона и подчиненных народов в каждом из исторических случаев имеет гораздо больше общих черт, чем предполагает Саид, говоря только об исламе, сокращенном до арабской его части [Hallidey, 1993]. Также указывается на некоторую односторонность во взглядах Саида, выражающуюся в отсутствии примеров непредвзятого описания арабского мира, которые хотя и в меньшей степени, но все же были необходимы в западном дискурсе, поскольку становление колониализма не может быть полностью основано на ориенталистских текстах, но наряду с этим нуждается и в достоверных данных [Hallidey, 1993].

В данном аспекте интересным будет выйти за рамки европейской дискуссии, вызванной работой Саида и обратиться также к критической статье сирийского исследователя Садика ал-Азма. В своей статье он отмечает важность различия между институциональным и академическим ориентализмом и их взаимосвязь [Al-Azm, 1980]. Институциональным ориентализмом ал-Азм называет набор теорий и практик, верований, литературных и социальных образов, механизмы реализации политических амбиций. Академический же ориентализм представляется в качестве создания научной базы и знания о Востоке, при этом, в соответствии с моделью Саида, институциональная форма ищет и находит оправдание в академических источниках, обладающих «законностью». Ал-Азм указывает, что «Восток» изучается и конструируется в рамках ориентализма не только со стороны Запада, но и самим Востоком, что заставляет исследователя рассматривать и «обратную сторону» ориентализма. Данное явление характеризуется лингвистическим детерминизмом, то есть попыткой с помощью литературного, языкового различения и анализа, в данном случае арабского языка, объяснить не только культурную, но также социальную и политическую уникальность развития обществ [Al-Azm, 1980]. Такой подход является заведомо неверным, поскольку при доказательстве тезиса о непреодолимых различиях «восточного стиля мышления» и «западного» на данное же положение изначально и опирается, более того — сводя объяснение глубоких исторических процессов к сравнительной лингвистике. Результаты такого рода исследований используются с обратной целью, то есть для подтверждения превосходства Востока, на основе чего уже не «западная», а «восточная цивилизация» обретает свою исключительность. Таким образом, можно наблюдать два противоположных эффекта действия различных методов применения ориентализма. Данная двойственность не отражена в книге Саида, как не рассмотрена и проблема об ответном восприятии образа Запада. В частности, если Восток, в понимании европейца, существу-

ет только как собирательный миф из читаемых текстов, то возникает вопрос о существовании Запада, представляемого как внешне, так и самим собой.

Следует добавить, что Э. Саид, критикуя западный ориентализм за то, что он воспринимает «Восток» как некое единое целое, связанное общими культурными и социальными характеристиками, сам при этом субстанционализирует «Запад». То есть в целом, справедливо подчеркивая ложность представлений о Востоке как о едином и вневременном понятии, Э. Саид не замечает, что в таких же категориях мыслит себе «Запад».

Существенным представляется также и то, что Саид весьма непоследователен в датировке появления европоцентризма и в его дальнейшем проявлении в ориентализме. С одной стороны, обращается к моменту открытия кафедр по изучению восточных языков в европейских университетах после 1312 г., затем к XVIII в., но одновременно видит причину данного явления в результатах Великих географических открытий. Помимо этих дат Саид говорит об изобретении «европейского Востока» еще в Древней Греции: «Рассмотрим сначала разграничительную линию между Востоком и Западом. Уже во времена «Илиады» она казалась достаточно отчетливой» [Саид, 2006. С. 88]. Обнаруживая проявления ориентализма при обращении к текстам Гомера, а позже — Данте, Саид постулирует непрерывность самоидентификации европейцев. Именно здесь он вступает в противоречие с Фуко, на работы которого частично опирается. Последний считал невозможным появление дискурсивных практик по крайней мере до XVI в., когда только было положено начало формированию новых форм экономического производства и государственных структур в современном их понимании [Ahmad, 1992]. Вместе с тем именно эти размышления о «Востоке» как о постоянном и вечном «Другом» Европы также стали базой для небезынтересных публикаций о сущности европейской/западной идентичности[3].

Э. Саид сознательно ограничил предмет своего рассмотрения британским, французским и американским опытом Востока, при этом только их отношениями с арабами и исламом. По мнению Саида, Англия и Франция были «нациями-пионерами на Востоке», крупнейшими колониальными державами, а «масса английских, французских и американских работ по Востоку ставит их безусловно выше несомненно значительной работы, проделанной в Германии, Италии, России и где-либо еще» [Саид, 2006. С. 32]. Не уделяя должного внимания Дальнему Востоку, Африке южнее Сахары, Индии, Э. Саид как бы приглашает других исследователей развивать его концепцию применительно к дру-

3 | Мы остановились на наиболее существенных, на наш взгляд, критических публикациях о работе Э. Саида. Но корпус критики «саидовского ориентализма» значительно шире [Clifford, 1988; Orientalism and the Postcolonial Predicament… , 1993; Figueira, 1995; Perloff, 1995; Lewis H.S., 2007].

гим странам и регионам. Или находить черты ориентализма в дискурсах других европейских и даже неевропейских стран. Понятие «Восток» тем самым трансформируется из привычного «географического» в чисто «ментальное». «Ориентализация» может касаться и Южной Америки, и Австралии, и России, а также, как показала дальнейшая критика Э. Саида, отдельных социальных групп и институтов.

С учетом взглядов Э. Саида и их критики мы предлагаем понимать под ориентализмом (ориенталистским дискурсом) обладающий внутренним единством способ видения Востока, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, способ не только восприятия и трактовки Востока, но и его проектирования и со-творения. «Восток» в российском ориентализме предлагается географически ограничить Азией и Африкой, то есть так, как это традиционно сложилось в рамках отечественного востоковедения. При этом мы допускаем, что может происходить «ориентализация» отдельных местностей и регионов, то есть приписывание им черт, которые дискурс ранее связывал с афро-азиатскими сообществами. С учетом критических замечаний в адрес самого Саида нет никаких оснований ограничивать ориентализм эпохой колониальных захватов и последующего доминирования «Запада» над «Востоком», связывать только с обслуживанием интересов метрополии. Норвежский исследователь Ивэр Нойманн, рассуждая об особенностях европейской идентичности и роли в ее становлении «Востока» как «Другого», рассматривает как один из примеров ориенталистского дискурса общественно-политические установки в Республике Башкортостан в начале 1990-х гг. [Нойманн, 2004. С. 239–267]. В данном случае «Ориентом» оказались Москва и — в еще большей степени — Татарстан, так как именно с этими регионами и населяющими их народами (русскими и татарами) официальные круги Башкирии пытались увязать те черты, которыми, в представлении Э. Саида, «Запад» награждал «Восток»: фанатизм, чрезмерная религиозность, консервативность, агрессивность. Аргументация Нойманна спорна, но, по существу, показывает, что саидовский «Ориент» довольно мобилен в пространстве.

При исследовании российского ориентализма следует иметь в виду еще одну важную черту. Широко известно, что отношения понятий «Россия» и «Европа», «Россия» и «Запад», сами по себе весьма сложны. И что касается «западной» литературы по поводу России, то в ней сплошь и рядом встречаются все компоненты, присущие ориенталистскому дискурсу[4]. То есть сама Россия в конкретных исторических и политических обстоятельствах предстает для «Запада» «Востоком». Эта старая, по всей видимости, неисчерпаемая проблема остается за

4 | Помимо уже указанной работы И. Нойманна можно выделить исследования Л. Вульф, [Вульф, 2003], М. Малиа [Malia, 1999], С. Хендерсон. [Henderson S, 2007]. Последний автор демонстрирует примеры ориентализма в путевых заметках и описаниях путешествий европейцев в Россию с XVIII по конец XX в. Те же тенденции применительно к российской внешней политике, при анализе которой на Западе зачастую происходит ее «ориентализация», описаны в статье Джеймса Брауна [Brown, 2010].

пределами данной статьи[5]. Мы посчитали необходимым упомянуть о ней только в той связи, что причисление России к «Востоку», «Азии» в западных публикациях, безусловно, отражалось и продолжает сказываться на российском самосознании, так как любая идентичность формируется не только субъектом, но и отношением к нему (признанием/непризнанием) сторонних наблюдателей. Отношения «Россия–Восток» будут в этом случае в значительной степени зависеть от того, признают ли «западные» сообщества за Россией «европейскую» идентичность.

Нетрудно заметить, что и в западных странах, и в России параллельно могли существовать и существуют сразу несколько ориенталистских дискурсов: профессиональный, научный, иногда пересекающийся с государственным, а также обывательский, народный. Естественно, что каждый из этих способов видения Востока будет обусловлен конкретными историческими условиями, социально-политическими, экономическими процессами, характерными для периода их становления и развития. Вопрос о преемственности ориенталистских дискурсивных практик в России требует специального исследования, пока еще никем по-настоящему не проделанного.

Российский ориентализм у самого Э. Саида практически не рассматривается: Россия и Советский Союз упоминаются в его книге всего около 10 раз. Однако и сам Саид, и многие последователи его концепции однозначно относят российские представления о «Востоке» к тому же «западному» ориентализму, связывают его с колониальными захватами — прежде всего на Кавказе и в Средней Азии — и ставят Россию в один ряд с Великобританией, Францией и другими колониальными державами. При этом, правда, в другой своей работе Саид не может не заметить, что «в отличие от Британии или Франции, которые перепрыгивали на другие континенты, за тысячи миль от своих собственных границ, Россия продвигалась на юг и восток ползком, поглощая любые земли или народы, которые находились рядом с ее границами» [Said, 1993. P. 10]. Но этого короткого замечания недостаточно, как правильно подчеркивает А. Халид [Халид, 2005. С. 315], для того чтобы говорить о специфике российского ориентализма. Действительно, в российской дореволюционной и советской литературе о «Востоке» (как научной, так и художественной), можно найти немало общих черт с западными аналогами. Именно эта «схожесть» российского ориенталистского дискурса с «европейскими» аналогами стала предметом исследования многих иностранных, а чуть позднее и российских авторов.

Под исследованиями российского ориентализма, о которых речь пойдет ниже, мы подразумеваем, естественно, не все вообще исследования, посвященные взаимосвязям России с Востоком, а лишь те, которые отталкиваются от постструктуралистской методологии, в основе

5 | О современном этапе развития дискурсивных практик по этой проблеме можно выделить монографию В.Е. Морозова [Морозов, 2009].

которой в данном случае лежат труды М. Фуко и самого Э. Саида (хотя их взгляды, как было отмечено выше, не всегда совпадают).

Публикации на тему российского ориентализма стали появляться только в последние десять–пятнадцать лет и тесно связаны с проблемами российского колониализма и империализма XVIII — начала XX века, которым американские и европейские исследователи, особенно начиная с середины 1990-х гг., уделяют весьма большое внимание. Очевидно, что исследования России как империи и российского колониализма необязательно затрагивают ориенталистский дискурс, и, безусловно, мы не хотели бы ставить знак равенства между ориентализмом и колониализмом. В то же время проведенные исследования российского ориентализма настолько тесно оказались увязаны с проблематикой российских колоний и имперским характером государства, что подчас отделить одно от другого, на наш взгляд, почти невозможно.

В последнее десятилетие благодаря исследованиям, проведенным прежде всего американскими и британскими учеными, был опубликован целый ряд статей и монографий, в которых с российский ориентализм рассматривается через призму колониализма или в тесной связи с обретением Российской империей колоний на Востоке. «Колониальные» исследования российской истории, историческая компаративистика, сопоставляющая Россию с другими колониальными державами, оказалась чрезвычайно благодатным полем для ученых из разных стран, так как в советской историографии мы почти не находим подобных работ. Хотя концепция колониального развития империи в советской исторической науке, безусловно, была. Более того, она, как известно, трансформировалась от категорического осуждения российского империализма и воспевания национально-освободительной борьбы против царизма до теории «наименьшего зла» и прогрессивного характера русской колониальной политики[6].

Из работ зарубежных авторов, которые своими публикациями в значительной мере обусловили интерес к проблематике российского колониализма, хотелось бы выделить А. Каппелера и Д. Ливена [Kappeler, 1992; Lieven, 2000][7], а из российских, безусловно, — А.И. Миллера [Миллер, 2002; Миллер, 2008] Что же касается компаративистских исследований межимперских связей и отношений, то и в западной историографии они появляются главным образом уже в 1990-е гг. [After Empire…, 1997; Elliott, 2006; Hart, 2003; Pagden, 1995; Muldoon, 1999] и позднее.

Именно в русле колониальной проблематики и переосмысления подходов к имперскому прошлому России в 1990-е гг. за рубежом начались первые исследования российского ориентализма.

6 | О развитии ориенталистского дискурса в СССР см., например, публикации В.О. Бобровникова [Бобровников, 2007. С. 320–324]
7 | Существуют русские переводы их главных работ [Каппелер, 2000; Ливен, 2007]

Одним из первых, кто обратился к тематике российского ориентализма в контексте теории Э. Саида, был американский исследователь Натаниэл Найт [Knight, 2000 (1)]. В своей статье, он попытался показать на примере востоковеда и чиновника В.В. Григорьева, что ориентализм в России имел особый, отличный от «западного» характер, а концепция Э. Саида не совсем работает на российской почве. Его статья тут же вызывала довольно широкую дискуссию по поводу феномена «российского ориентализма» на страницах журнала «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History» [Khalid, 2000; Knight, 2000 (2); Todorova, 2000], позднее опубликованную на русском языке [Халид, 2005; Найт, 2005, Тодорова, 2005]. Известный специалист по Центральной Азии Адиб Халид приводит контрпример — деятельность востоковеда Н.П. Остроумова на службе империи в Ташкенте, развивает идеи Э. Саида применительно к России и доказывает, что русский ориентализм, в сущности, очень схож с западным и едва ли имеет такую «специфику», которая позволяла бы говорить об уникальности данного феномена. М. Тодорова пытается «смягчить» противоречия, указывая, что возможны как тот, так и другой подход к изучению российских представлений о «Востоке», и оба они в значительной степени будут продиктованы политическими предпочтениями исследователя.

Другая любопытная дискуссия на ту же тему развернулась на страницах журнала «Ab Imperio» в 2002 году между Девидом Схиммельпеннинком ван дер Ойе, Александром Эткиндом, Натаниэлем Найтом и Еленой Кэмпбелл [Схиммельпеннинк ван дер Ойе, 2002; Найт, 2002; Эткинд, 2002; Кэмпбелл, 2002]. Дискутирующие в целом исходили из традиционного понимания ориентализма, и только А.М. Эткинд предложил особый подход, связанный с его концепцией «внутренней колонизации» [Эткинд, 2001; Эткинд, 2003; Там, внутри…, 2012].

Самое большое количество публикаций по различным аспектам российского ориентализма имперской эпохи принадлежит американским исследователям. Проблематика российского ориентализма была частично отражена в сборнике статей «Российский Восток: имперское пограничье и народы. 1700–1917», изданном в 1997 г. [Russia's Orient…, 1997]. Сам сборник стал результатом многолетней работы американских ученых, объединившихся в 1990 г. в «Группу исследований Пограничья» (Borderlands Research Group) [Russia's Orient…, 1997, pp. IX–X], с целью изучения восточных границ Российской империи и колониальной политики России в Азии. Практически все участники сборника на протяжении последующих лет выпустили монографии или серии статей по различным аспектам российского ориентализма. Сьюзан Лэйтон посвятила свои публикации теме «Востока», прежде всего — Кавказа, в русской классической литературе

[Layton, 1994][8]. Центральноазиатская проблематика, в том числе в контексте ориентализма, отражена в публикациях Адиба Халида и Дэниела Броуэра [Brower, 2002; Khalid, 1998; Халид, 2010]. Вирджиния Мартин и Майкл Ходарковский посвятили свои публикации взаимоотношениям России со «степью» и «степняками» [Khodarkovsky, 1992; Khodarkovsky, 2002; Martin, 2001]. Один из авторов сборника Роберт Джераси сосредоточил свое внимание на проблемах мусульманских регионов Поволжья [Geraci, 1997; Geraci, 2001][9], а Остин Ли Джерсилд обратился к российской колониальной политике на Кавказе [Jersild, 2002]. Эдвард Лаззерини является автором нескольких публикаций о взаимоотношениях России с татарами Крыма и Поволжья, а также с Османской империей [Lazzerini, 1997][10]. Основные публикации Юрия Слезкина посвящены народам Крайнего Севера и Сибири в составе империи [Slezkine, 1994].

К ним следует добавить Вилларда Сандерленда, который создал целый ряд публикаций по «колониальной» политике России в отношении степняков и Средней Азии. Сандерленд, возможно, еще более последовательно, чем другие американские ученые, настаивает на фактическом колониальном статусе «азиатских» территорий в составе империи, в том числе Сибири, Поволжья, Урала, Северного Причерноморья [Sunderland, 2004][11]. Он пытается доказать, что даже если у России никогда не было министерства колоний, то оно имело все шансы возникнуть [Сандерленд, 2010], а игнорирование, непризнание русскими империалистического характера своих действий только мешает «вскрыть» их истинные колониалистские наклонности [Sunderland, 2004, pp. 227–228].

К этому перечню работ американских ученых необходимо также добавить исследования специалиста по гуманитарной географии российского/евразийского пространства Марка Бассина, главная монография которого посвящена русской «колониальной» политике с чертами ориентализма на Дальнем Востоке [Bassin, 1999]. Джефф Сахадео продолжает исследования колониального наследия в бывшей российской (советской) Средней Азии [Sahadeo, 2007]. Поль Верт занимается вопросами этнических и религиозных меньшинств в составе Российской империи, в том числе колонизации Волжско-Камского региона и взаимодействия русских властей с финно-угорскими народами [Werth, 2002; Верт, 2012]. Научные изыскания Николаса Брейфог-

8 | Здесь и далее в отношении участников сборника «Russia's Orient…» (1997) будут приведены лишь названия их главных монографий. Все они также авторы нескольких статей по сходной проблематике.

9 | Под его редакцией и редакцией М. Ходарковского также вышел в 2001 г. сборник статей «Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia» [Of Religion and Empire…, 2001].

10 | См. также списки публикаций профессорско-преподавательского состава факультета Центральных Евро-Азиатских исследований (Department of Central Eurasian Studies) Университета Индианы (Блумингтон) — http://www.indiana.edu/~ceus/

11 | См. также две совершенно разные рецензии на эту книгу: отрицательную — Ильи Грачева и Павла Рыкина, и хвалебную, резко полемизирующую с первой — Александра Моррисона в журнале «Антропологический форум» [Грачев, Рыкин, 2007; Моррисон, 2007].

ла посвящены колониальным процессам и инородцам в Российском империи, в том числе на Кавказе и в Закавказье [Breygogle, 2005][12]. Канадский историк Уэйн Доулер опубликовал интересное исследование о развитии народного образования среди инородцев Российской империи, построенное главным образом на материалах Поволжья [Dowler, 2001]. С завидной регулярностью продолжают выходить сборники, составленные в основном из статей, ранее опубликованных в англоязычных журналах, также посвященных российскому ориентализму сквозь призму колониальных притязаний XVIII — начала XX века [Orientalism and Empire…, 2006; Peopling the Russian Periphery…, 2007; Russian Empire…, 2007].

Из работ британских ученых особенно выделяются публикации Александра Моррисона, в основном посвященные российской колониальной политике в Центральной Азии и ее сравнению с британской политикой в Ост-Индии [Morrison, 2008 (2); Morrison, 2009]. А. Моррисон — автор многих интересных и полемических рецензий на работы своих коллег по «цеху».

Британская исследовательница Вера Тольц написала на тему российского ориентализма несколько статей, а недавно выпустила книгу, переведенную в 2013 году на русский язык [Tolz, 2011; Тольц, 2013][13]. Правда, В. Тольц, специалист по истории, национальным и политическим процессам в России, профессор университета Манчестера, не является востоковедом. Ее предыдущие публикации были связаны главным образом с судьбой русской интеллигенции и университетской профессуры на рубеже XIX–XX веков и в советское время [Tolz, 2001][14], а к «ориенталистской» проблематике исследовательница обратилась уже в последние годы [Тольц, 2010; Tolz, 2005; Tolz, 2008]. Повествование В. Тольц посвящено петербургской востоковедной школе барона Розена и ее вкладу в методологию изучения Востока, ее влиянию на политику России в конце XIX — начале XX в. При этом в монографии речь идет не только о дореволюционном периоде, но и о первых годах советской власти. Исследовательница пытается показать, что по целому ряду концептуальных позиций востоковедения школа Розена не менее чем на полвека опередила формирование западной постколониальной парадигмы гуманитарного и социального знания, в частности теории ориентализма Эдварда Саида. Петербургские востоковеды столкнулись примерно с теми же трудностями в изучении Востока, что и западные исследователи в период деколонизации. Уже в начале XX века они пытались переосмыслить понятия «Восток», «Азия», критически относятся к европоцентристскому восприятию восточных реалий, при этом осоз-

12 | К перечисленным авторам можно также добавить Р. Крьюза [Crews, 2006]. См. отрицательную рецензию А. Моррисона на книгу Роберта Крьюза в журнале: «The Slavonic & East European Review» [Morrison, 2008 (1)].

13 | См. также критические рецензии М. Долбилова. С. Глебова и В. Бобровникова в журнале «Ab Imperio» [Бобровников, 2011; Долбилов, 2011; Glebov, 2011].

14 | Критический взгляд на теоретические основания ее первой монографии высказывал А.И. Миллер [Миллер, 2004]

навая возможность того, что государство может некорректно эксплуатировать данные академических исследований.

Из работ обобщающего характера хотелось бы также выделить публикации канадского исследователя Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе [Схиммельпеннинк Ван дер Ойе, 2004; Схиммельпеннинк Ван дер Ойе, 2009], в особенности его последнюю книгу «Российский ориентализм: Азия в русском сознании от Петра Великого до эмиграции» [Schimmelpenninck van der Oye, 2010]. В его публикациях акцент делается на восприятии в России стран Дальнего Востока, но при этом есть целый ряд тонких наблюдений об этапах развития представлений о «Востоке» вообще. В последней монографии канадский ученый стремится все же объять необъятное, так как начинает рассмотрение отношений «Россия–Восток» с доордынских времен и заканчивает А. Прохановым и Г. Зюгановым. При всей эрудиции, которую обнаруживает автор в русской истории и искусстве, включая литературу и музыку, внимательной работе с источниками и документами из российских архивов в книге иногда обнаруживается упрощенное понимание российских представлений о «Востоке». Автор упускает из виду некоторые противоречия в российской «восточной» и «колониальной» политике, есть ряд фактических неточностей[15].

Из ряда работ, опубликованных в США и Великобритании, выделяются публикации, принадлежащие перу профессиональных востоковедов, в которых также затрагиваются проблемы российского восприятия Востока и азиатских сообществ. Последние публикации известного германского исследователя Михаэла Кемпера, автора целого ряда работ по суфизму и адату в Поволжье и на Северном Кавказе, посвящены российскому и советскому ориентализму [Kemper, 2005; Kemper, 2008; Kemper, 2009; Kemper, 2010]. М. Кемпер выступил соредактором сборника статей, посвященных истории советского востоковедения [The Heritage of the Soviet Oriental Studies, 2011]. Аллен Франк посвятил одну из своих работ функционированию мусульманских религиозных институтов у казахов на территории Российской империи [Frank, 2001].

К предложенному историографическому обзору можно добавить еще и заметно выросший за рубежом интерес к русскому изобразительному искусству, связанному с ориентализмом. В последние годы были опубликованы сразу две книги о российском ориентализме в живописи [Bolton, 2009; Atroschenko, Bulatov, Kouteinikova, Solovyeva, 2011].

Что касается отечественных публикаций по проблемам российского ориентализма, то их пока немного. Выделяются статьи известных российских этнологов (антропологов) В.О. Бобровникова и С.Н. Абашина. Через публикации В.О. Бобровникова, посвященные Северному Кавказу [Бобровников, 2005; Бобровников, 2007; Бобровников, 2010], красной нитью проходит идея о том, что, в сущности, представления

15 | См. рецензию на эту книгу в журнале «Восток» [Ланда, 2011].

россиян о «Востоке» мало чем отличались от европейских аналогов, а концепция Э. Саида вполне может применяться к российской колониальной политике на Кавказе. Описывая романтические образы кавказских горцев-разбойников у Пушкина, Лермонтова, Бестужева-Марлинского, отмечая гипертрофированное изображения «хищничества» горцев [Бобровников, 2007. С. 308–320], Бобровников фактически все время противопоставляет мифическое отражение Кавказа в сознании русских писателей и путешественников и «реальное» положение дел.

Несколько иной позиции придерживается, по всей видимости, специалист по Центральной Азии С.Н. Абашин, который склонен видеть в российском колониализме и ориентализме особые, специфические черты, которых не было и не могло быть в западных ориенталистских дискурсах. [Абашин, 2005; Le Turkestan Russe…, 2009][16]. В соавторстве с Д.В. Васильевым написана также глава «Образ Центральноазиатского региона в российском обществе» в коллективной монографии [Абашин, Васильев, 2008][17].

Известный отечественный историк А.В. Ремнев, используя главным образом сибирские материалы, стал едва ли не единственным российским автором, который последовательно отстаивает «неколониальный» статус окраин Российской империи, во всяком случае — Сибири и Дальнего Востока [Ремнев, 2004 (1); Ремнев, 2004 (2); Ремнев, 2004 (3)]. Ремнев убедительно доказывает, что несмотря на многие сложности в отношениях европейской части России и Сибири, «в политике в отношении азиатских окраин доминировал не столько колониальный, сколько территориальный принцип», а империя дистанцировалась от терминов «колония» и «колониализм» вполне осознанно [Ремнев, 2010].

Нетрудно заметить, что отечественная историческая наука все же отстает, во всяком случае в количестве исследований, как колониального / имперского прошлого России, так и российского ориентализма.

Что касается литературоведения, то и здесь тема «Востока» в русской литературе, «колониальные» сюжеты, почти не изучены. Можно назвать лишь несколько работ и статей на эту тему [Дарьялова, 1987; Исаев, 2009; Сопленков, 2000; Таварацян, 2007; Эткинд, 2003], если не считать диссертаций о творчестве некоторых советских писателей, защищенных в университетах Средней Азии в 1960–1980-е гг.

Советский ориентализм фактически вообще не исследован ни на Западе, ни в России. Кроме уже упомянутых работ М. Кемпера и В. Тольц, в которых рассмотрены отдельные сюжеты развития востоковедения как науки в 1920-е гг., публикаций нет. На торжестве советской идеологии ориентализм «трагически» обрывается, или ему

16 | Многие аспекты российского восприятия Центральной Азии рассмотрены также в публикациях С.Н. Абашина, посвященных «сартовской проблеме» [Абашин, 2007].

17 | У Д.В. Васильева есть и другие публикации по сходной тематике [Васильев, 2005; Васильев, 2007].

полностью отказывают в преемственности. Вместе с тем и советская литература, и «народные» представления о «Востоке» дают богатый материал для того, чтобы проследить трансформацию и преемственность ориентализма.

Роль «Востока» в русской истории и культуре, способы и формы его восприятия в России, отличительные особенности российского ориенталистского дискурса заслуживают внимательного и тщательного изучения. Их исследование могло бы способствовать преодолению современного кризиса общей российской идентичности.

Обзор зарубежной историографии российского ориентализма позволяет сделать вывод, что интерес к нему подогревается страстями, разгоревшимися вокруг российского колониализма и империализма, а также русского имперского национализма. Общим местом для многих американских и европейских исследователей стал отказ признавать за Россией какие-либо специфические, отличные от западных моделей колониализма. Этот тезис, который зачастую провозглашается почти априорно, выглядит очень сомнительно и в силу географических пространств, которые охватывало Российское государство, и в силу гораздо более длительного, чем у любого западного государства, и непосредственного общения России с «Востоком». За исключением лишь немногих авторов — Н. Найта, В. Тольц, Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе, — большинство исследователей проводят в своих публикациях тезис о том, что Россия была типичной «европейской» империей с типичным западным ориентализмом и с «обычными» колониями, при этом колониями были не только Средняя Азия и Закавказье, но и Сибирь, Украина, Поволжье, Урал, Балтия.

Сегодня возникает устойчивое ощущение, что в попытках угнаться за теоретическими изысканиями, проведенными 30–40 лет назад на Западе, мы пытаемся применить *их* концепции к российским реалиям, не изучив при этом и малой доли того, чтобы было накоплено в сокровищницах российского ориентализма за прошедшие годы. На наш взгляд, прежде чем применять какую-либо «концепцию» («Саида» или «анти-Саида») нужно изучить эмпирический материал, отечественные источники и архивы, которые все еще остаются в огромном количестве просто непрочитанными. При этом в область исследования должны быть включены не только академические сочинения, не только военная мемуаристка, но и миссионерская литература, а также, вне всякого сомнения, художественная и массовая литература по данному вопросу.

Когда зарубежные исследователи пытаются изобразить Россию как типичную «европейскую» колониальную державу, подчеркивая сходства ее ориентализма с западными аналогами, или, наоборот, включить Россию в понятие «Восток», в собственный ориенталистский дискурс, вспоминается начало рассказа Р. Киплинга «Человек, который был» («The Man Who Was», 1889), кстати, совершенно некорректно переведенное на русский язык в собраниях сочинений. В переводе на

русский начало рассказа должно звучать так: «Следует отчетливо понимать, что русский — восхитительный человек, пока заправляет рубашку в штаны [т.е. ведет себя как «европеец». — *В. С.*]. Как восточный человек он очарователен. И только тогда, когда он настаивает на том, чтобы его воспринимали как самый восточный из западных народов, а не как самый западный из восточных, он превращается в расовую аномалию, с которой исключительно трудно иметь дело. Он сам не знает, какая сторона его натуры проявится в следующий момент» [Kipling, 1903. P. 97][18]. Киплинг в шутливой манере негодует не по поводу того, что русские пытаются быть «обычными европейцами» или «обычными азиатами». Хотя последнее определение в отношении русских Киплингу кажется, естественно, более подходящим: русские, как и «азиаты», вообще-то рубаху не заправляли, и об этом Киплинг прекрасно знает. Киплинга смущает «азиатская Европа» и «европейская Азия», «расовая аномалия», с которой великий певец колониализма никак не может смириться. То, что у Киплинга изложено иронично, уже без всяких шуток проявляется в работах некоторых зарубежных авторов, обращающихся к проблематике российского ориентализма. Не может быть никакой азиатской Европы, равно так же, как и европейской Азии! И уже любые попытки заговорить об этом — миф, симулякр, великодержавный шовинизм. С этими твердыми убеждениями спорить практически невозможно и, видимо, бессмысленно.

18 | «Let it be clearly understood that the Russian is a delightful person till he tucks his shirt in. As an Oriental he is charming. It is only when he insists upon being treated as the most easterly of Western peoples, instead of the most westerly of Easterns, that he becomes a racial anomaly extremely difficult to handle. The host never knows which side of his nature is going to turn up next».

Источники и литература

Абашин, 2005 — *Абашин С.Н.* В.П. Наливкин: «…будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть…». Кризис ориентализма в Российской империи? // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. статей к 50-летию А.В. Ремнева. Омск, 2005. С. 43–97.
Абашин, 2008 — *АбашинС.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.
Абашин, 2011 — *Абашин С.Н., Васильев Д.В.* Образ Центральноазиатского региона в российском обществе // Центральная Азия в составе Российской империи. Гл. 15. М., 2008. С. 313–336.
Бобровников, 2011 — *Бобровников В.О.* Новая книга Веры Тольц: комментарий востоковеда // Ab Imperio, 2011, N 3. С. 393–402.
Тольц, 2013 — *Тольц В.* «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
Бобровников, 2005 — *Бобровников В.О.* Ориентализм в литературе и политике на Северном Кавказе // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. статей к 50-летию А.В. Ремнева. Омск, 2005. С. 23–42.
Бобровников, 2007 — *Бобровников В.О.* Ориентализм на Северном Кавказе // Северный Кавказ в составе Российской империи. Гл. 14 / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007. С. 307–326.
Бобровников, 2010 — *Бобровников В.О.* Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209.
Васильев, 2005 — *Васильев Д.В.* Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 гг.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. статей к 50-летию А.В. Ремнева. Омск, 2005. С. 351–392.
Васильев, 2007 — *Васильев Д.В.* Россия в Центральной Азии: мифы об имперской окраине // Научные труды Института бизнеса и политики. Вып. 4: Восток: история, политика, культура. М., 2007.
Верт, 2012 –*Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.
Вульф, 2003 — *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
Горький, 1956 — *Горький М.* Письмо к Л.М. Леонову от 4 октября 1935 г. // Собр. соч.: В 13 т. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

Грачев, Рыкин, 2007 — *Грачев И., Рыкин П.* Рецензия на книгу: Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. London: Cornell University Press, 2004 // Антропологический форум. 2007, № 6.
Дарьялова, 1987 — *Дарьялова Л.Н.* Тема Востока в прозе 20-х годов // Филологические науки. 1987, № 6.
Долбилов, 2011 — *Долбилов М.* О выгоде иметь «свой собственный Восток» // Ab Imperio. 2011, N 3. С. 374–384.
Исаев, 2009 — *Исаев Г.Г.* Код исламской культуры в творчестве русских писателей: Астрахань: Астраханский университет, 2009.
Каппелер, 2000 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000.
Кэмпбелл, 2002 — *Кэмпбелл Е.* К вопросу об ориентализме в России (во второй половине XIX века — начале XX века) // Ab Imperio. 2002, № 1.
Ланда, 2011 — *Ланда Р.Г.* D.D. Schimmelpenninck van der Oye. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2011, № 1. С. 178–185.
Ливен, 2004 — *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007.
Миллер, 2004 — *Миллер А.И.* Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. М.: Новое издательство, 2004.
Миллер, 2008 — *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.
Миллер, 2002 — *Миллер А.И.* Российская империя, ориентализм и процесс формирования наций в Поволжье // Политическая наука. 2002, № 4. С. 25–35.
Морозов, 2009 — *Морозов В.Е.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.
Моррисон, 2007 — *Моррисон А.* Рецензия на книгу: Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. London: Cornell University Press, 2004 // Антропологический форум. 2007, № 6.
Найт, 2002 — *Найт Н.* Была ли Россия собственным «Ориентом»? Размышления по поводу статей Эткинда и Схиммельпеннинка в рамках дискуссии по ориентализму // Ab Imperio. 2002. № 1.
Найт, 2005 — *Найт Н.* О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 323–344.
Нойманн, 2004 — *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
Ремнев, 2004 — *Ремнев А.В.* «Вдвинуть Россию в Сибирь». Империя и русская колонизация второй половины XIX — начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С. 223–242.
Ремнев, 2004 — *Ремнев А.В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112–146.
Ремнев, 2010 — *Ремнев А.В.* Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 173–175.
Ремнев, 2004 — *Ремнев А.В.* Россия движется на Восток: «Знание-власть» и возможности ориенталистского дискурса в имперской истории России // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Под ред. В.Н. Соколова. Сер.: Науч. доклады. Владивосток, 2004. Вып. 1. С. 240–256.
Саид, 2006 — *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
Сандерленд, 2010 — *Сандерленд В.* Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–149.
Сопленков, 2000 — *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: Русская общественная мысль о Востоке. М.: Восточная литература, 2000.

Схиммельпеннинк ван дер Ойе, 2004 — *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Мирза Казембек и казанская школа востоковедения // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С. 243–271.
Схиммельпеннинк ван дер Ойе, 2009 — *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
Схиммельпеннинк ван дер Ойе, 2002 — *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Ориентализм — дело тонкое // Ab Imperio. 2002, № 1.
Таварацян, 2007 — *Таварацян И.* Зеленое знамя жизни: ислам в творчестве И.А. Бунина // Четки. 2007, № 1.
Там, внутри, 2012 — Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012.
Тодорова, 2005 — *Тодорова М.* Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 344–360.
Тольц, 2010 — *Тольц В.* Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX — начала XX века // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 266–307.
Халид, 2010 — *Халид А.* Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии. М., 2010.
Халид, 2005 — *Халид А.* Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 310–323.
Эткинд, 2003 — *Эткинд А.* Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003, № 59. С. 103–124.
Эткинд, 2001 — *Эткинд А.* Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001, № 49. С. 50–74.
Эткинд, 2002 — *Эткинд А.* Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002, № 1.

After Empire, 1997 — After Empire: Multiethnic Societies And Nation-building: The Soviet Union And The Russian, Ottoman, And Habsburg Empires. Ed. by K. Barkey, M. von Hagen. Westview Press, 1997.
Ahmad, 1992 — *Ahmad A.* Orientalism and After: Ambivalence and Metropolitan Location in the World of Edward Said // Ahmad A. In Theory: Classes, Nations, Literature. London; N.Y.: Verso, 1992. P. 159–219.
Al-Azm Sadik Jalal — *Al-Azm Sadik Jalal.* Orientalism and Orientalism in Reverse // Europe Solidaire Sans Frontières — http://www.europe-solidaire.org/spip.php?article20360
Atroschenko, Bulatov, Kouteinikova, Solovyeva, 2011 — *Atroschenko O., Bulatov V., Kouteinikova I., Solovyeva K.* Russia's Unknown Orient. London, 2011.
Bassin, 1999 — *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
Bolton, 2009 — *Bolton R.* Russian Orientalism: Central Asia and the Caucasus. Madison, CT: Sphinx Press, 2009.
Breyfogle, 2005 — *Breyfogle N.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Cornell University Press, 2005.
Brower, 2002 — *Brower D.* Turkestan and the Fate of Russian Empire. London, 2002.
Brown, 2010 — *Brown J.D.J.* A Stereotype, Wrapped in a Cliché, Inside a Caricature: Russian Foreign Policy and Orientalism // Politics, 2010. Vol. 30(3), Pp. 149–159.
Burke, Prochaska, 2007 — *Burke III. E., Prochaska D.* Rethinking the Historical Genealogy of Orientalism // History and Anthropology, Vol. 18, No. 2, June 2007, pp. 135–151.
Clifford,1988 — *Clifford J.* On Orientalism // Clifford J. The Predicament of Culture: Twentieth Century Ethnography, Literature, and Art. Cambridge: Harvard University Press, 1988. P. 255–276.
Crews, 2006 — *Crews R.D.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard University Press, 2006.

Morrison, 2008 — *Morrison A*. Review of Robert D. Crews 'For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia // The Slavonic & East European Review, 2008, Vol. 86, No. 3. Pp. 553–557.
Dowler, 2001 — *Dowler W*. Classroom and Empire: The politics of schooling Russia's Eastern nationalities, 1860–1917. Toronto, McGill-Queen's univ. press, 2001.
Elliott, 2006 — *Elliott J*. Empires of Atlantic World Britain and Spain in America, 1492–1830. New Haven, 2006.
Figueira, 1995 — *Figueira D.M*. Oriental Despotism and Despotic Orientalism // Anthropology and the German Enlightenment: Perspectives on Humanity / Ed. by Katherine M. Faull. Lewisburg: Bucknel University Press, 1995. P. 182–199.
Frank, 2001 — *Frank A.J*. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde 1780–1910. Leiden, 2001.
Geraci,1997 — *Geraci R*. Russian Orientalism at an Impasse: Tsarist Education Policy and the 1910 Conference on Islam // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Ed. by D. Brower and E. Lazzerini. Indiana University Press, 1997. Pp. 138–161.
Geraci, 2001 — *Geraci R*. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Cornell University Press, 2001.
Glebov, 2011 — *Glebov S*. Postcolonial Empire? Russian Orientologists and the Politics of Knowledge in the Late Imperial Russia // Ab Imperio. 2011, N 3.
Hallidey, 1993 — *Hallidey F*. 'Orientalism' and Its Critics // British Journal of Middle Eastern Studies. 1993, Vol. 20, № 2, Pp. 145–163.
Hart, 2003 — *Hart J*. Comparing Empires. European Colonialism from Portugese Expansion to the Spanish-American War. N.Y., 2003.
Henderson, 2007 — *Henderson S*. The Elephant in the Room: Orientalism and Russian Studies // Slovo, Vol. 19, No. 2, 2007. Pp. 125–135.
Jersild, 2002 — *Jersild A*. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002.
Kappeler, 1992 — *Kappeler A*. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992.
Kemper, 2005 — *Kemper M*. 'Adat against Shari'a: Russian Approaches towards Daghestani ‚Customary Law' in the 19th Century // Ab Imperio: Theory and Historyof Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space. 2005, № 3. Pp. 147–174.
Kemper, 2008 — *Kemper M*. How to Take the Muslim Peripheries Seriously in the Writing of Imperial History? // Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space. 2008, № 4. Pp. 472–482.
Kemper, 2010 — *Kemper M*. Red Orientalism: Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental Studies in Early Soviet Russia // Die Welt des Islams, 2010, N 50). Pp. 435–476.
Kemper, 2009 — *Kemper M*. The Soviet Discource on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 // Die Welt des Islams. 2009, N 49. Pp. 1–48.
Khalid, 2000 — *Khalid A*. Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000, 1(4). Pp. 691–699.
Khalid, 1998 — *Khalid A*. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1998.
Khodarkovsky, 1992 — *Khodarkovsky M*. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca and London, 1992.
Khodarkovsky, 2002 — *Khodarkovsky M*. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, 2002.
Kipling, 1903 — *Kipling R*. Life's Handicap. Being Stories of Mine Own People. London, 1903. P. 97.
Knight, 2000 — *Knight N*. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. № 1. Pp. 79–100.
Knight, 2000 — *Knight N*. On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 2000, 1(4). Pp. 701–716.
Layton,1994 — *Layton S*. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
Lazzerini, 1997 — *Lazzerini E*. Local Accommodation and Resistance to Colonialism in the Nineteenth-Century Crimea // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Daniel Brower and Edward Lazzerini (eds.). Indiana University Press, 1997.

Le Turkestan Russe, 2009 — Le Turkestan Russe: Une colonie comme les autres? / Ed. Svetlana Gorshenina and Sergei Abashin. Tashkent and Paris: IFEAC, 2009.
Lewis, 1993 — *Lewis B.* The Question of Orientalism // *Lewis B.* Islam and the West. Oxford University Press, 1993. P. 99–118.
Lewis,2007 — *Lewis H.S.* The Influence of Edward Said and Orientalism on Anthropology, or: Can the Anthropologist Speak? // Israel Affairs, Vol. 13, No. 4, October 2007. Pp.774–785.
Lieven, 2000 — *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and Its Rivals. London, 2000.
Malia, 1999 — *Malia M.* Russia Through the Western Eyes. Berkeley University Press, 1999.
Marcus, Fischer, 1986 — *Marcus G., Fischer M.* Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 1–2.
Martin, 2001 — *Martin V.* Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London, 2001.
Morrison, 2009 — *Morrison A.* Applied Orientalism in British India and Tsarist Turkestan // Comparative Studies in Society and History. 2009, Vol. 51, N. 3. Pp.619–647.
Morrison, 2008 — *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford, 2008.
Muldoon, 1999 — *Muldoon J.* Empire and Order: The Concept of Empire, 800–1800. Houndmills, 1999.
Of Religion and Empire, 2001 — Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
Orientalism and Empire in Russia, 2006 — Orientalism and Empire in Russia / Ed. by Michael David-Fox, Peter Holquist and Alexander Martin. Bloomington: Indiana University Press, 2006.
Orientalism and the Postcolonial Predicament, 1993 — Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives of South Asia / Ed. by Carol A. Breckenridge, Peter van der Veer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993.
Pagden, 1995 — *Pagden A.* Lords of All the World. Ideologies of Empire in Spain, Britain and France. 1500 — c.1800. New Haven, 1995.
Peopling the Russian Periphery, 2007 — Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / Ed. by Nicholas Breyfogle, Abby Schrader, Willard Sunderland. London, 2007.
Perloff, 1995 — *Perloff M.* Tolerance and Taboo: Modernist Primitivisms and Postmodernist Pieties // Prehistories of the Future: the Primitivist Project and the Culture of Modernism / Ed. by Elazar Barkan, Ronald Bush. Stanford: Stanford University Press, 1995. P. 339–354.
Russian Empire, 2007 — Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 (Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies) / Ed. by M. von Hagen, J. Burbank, A. Remnev. Bloomington: Indiana University Press, 2007.
Russia's Orient, 1997 — Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington: Indiana University Press, 1997.
Sahadeo, 1993 — *Sahadeo J.F.* Russian Colonial Society in Tashkent. 1865–1923. Bloomington, 2007.
Said, 1993 — *Said E.* Culture and Imperialism. N.Y., 1993.
Schimmelpenninck van der Oye, 2010 *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven: Yale University Press, 2010.
Slezkine, 1994 — *Slezkine Y.* Arctic mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994.
Sunderland, 2004 — *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. London: Cornell University Press, 2004.
The Heritage of the Soviet Oriental Studies, 2011 The Heritage of the Soviet Oriental Studies / Ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. London, 2011.
Todorova, 2000 — *Todorova M.* Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 2000, 1(4). Pp. 717–728.

Tolz, 2008 — *Tolz V*. European, National and (Anti-)Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in the Late Tsarist and Early Soviet Russia // Kritika. 2008. Vol. 9. № 1. Pp. 53–81.
Tolz, 2005 — *Tolz V*. Orientalism, Nationalism, and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia // The Historical Journal, 2005, Vol. 48, № 1. Pp. 127–150.
Tolz, 2011 — *Tolz V*. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods (Oxford Studies in Modern European History). Oxford University Press, 2011.
Werth, 2002 — *Werth P.W*. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. N.Y.: Ithaca, 2002.